

М. Я. СЮЗУМОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ, ГУМАНИЗМ И ФЕОДАЛИЗМ

Проблемы Возрождения, которые начались с изучения истории Италии, в последнее время стали принимать глобальный, всемирный характер. Октябрьская революция и вызванное ею влияние марксистской теории экономических формаций повысили интерес к переломным эпохам, какой считается именно Возрождение. Проблема итальянского Возрождения и гуманизма связана с изучением развития стран средневековья, которые на долгое время после крушения рабовладельческого строя на Западе находились в большей или меньшей степени в состоянии культурного упадка. Но В. И. Ленин отмечал, что каковы бы ни были разрушения культуры, ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, трудности будут в ее возобновлении¹. В течение всего «средневекового мрака» проявлялось стремление сохранять и развивать не только оставшееся агрономическое и ремесленное наследство, но и бороться за восстановление упавшей и даже почти погибшей интеллектуальной культуры. Естественно, что постепенное количественное ее развитие вызвало и новое качество, когда удалось постичь подлинную основу высоты античной культуры, когда феодальное общество становилось и в интеллектуальном отношении более прогрессивным, чем греко-римское.

Колоссальное количество исследований и теорий связывает Возрождение с кризисом феодального строя, феодального способа производства, феодальной собственности, феодальной идеологии². Нам хочется отметить, что нельзя иметь в виду феодализм вообще. Как и всякое историческое явление, феодализм нужно рассматривать только в движении, учитывая, на каком этапе развития феодализма зарождался и стал расцветать комплекс явлений, именуемый Возрождением. Феодализм по марксистско-ленинской теории общественных формаций является прогрессивной формой. Следовательно, генезис феодализма должен являться результатом кризиса рабовладельческого способа производства, и поэтому зарождение феодализма необходимо искать в недрах античности. Наличие зачатков будущего характерно для всякого общественного строя. «Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то

в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181). Появление этих зачатков будущего означало, что старые производственные отношения уже не соответствовали производительным силам, общественным потребностям развившейся культуры. Необходимо было соединить принудительность труда с самостоятельностью ведения хозяйства, сохранить зависимость трудящегося и в то же время заинтересовать его в производительности труда. Концентрация прибавочного продукта рабовладельческой знатью отражалась на выступлениях трудящихся в разных формах протеста против установившегося строя. Но нельзя игнорировать и роль господствующего класса³, который свои управленческие функции использовал для укрепления собственных хозяйственных позиций, стремясь повысить производительность труда подчиненных, но в то же время подвергая критике отдельные стороны рабского труда (Варрон, Колумелла). Не сами рабы убеждались в недостаточной производительности своего труда, а их господа, и потому эти господа стали искать новые формы эксплуатации, регулирования отношений с рабами, свободными арендаторами и наемниками. Поиски велись не для создания нового строя, не против рабства, а для расширения возможностей и форм личного господства рабовладельцев, хотя эти формы и облекались в проявление гуманизма в выступлениях философов и правителей. Эти поиски в начале IV в. были оформлены в праве. В практику вошли такие формы производственных отношений, которые полностью соответствовали будущим феодальным институтам (так называемое «вульгарное» римское право).

Но римской знати не удалось эволюционно превратиться в феодалов, оставаясь рабовладельцами! Прибавочный продукт не вырастал: трудящиеся не были готовы к перемене; для того чтобы стимулировать повышение производительности труда, нужно было выработать классовое осознание своих собственных интересов, скрепить общину; а чтобы примирить крестьян с зависимым положением, нужно было создать новую идеологию, которая порвала бы античное сознание «свободной» личности члена античного полиса, вытравила бы сознание человека — «персоны», вводя идеалы скромности, аскетизма, общего детерминизма, снизила бы представление о собственном достоинстве человека, т. е. нанесла бы смертельный удар тому «гуманизму», который проскальзывал в учениях античных мыслителей, той демократии, которая отчасти существовала для свободного населения греко-римских полисов. Это было сделано в IV—VI вв. Но новые формы права создали новые противоречия: власть осталась старой, потребности господствующего класса остались прежними, доходов стало меньше. Перевод массы свободного населения в положение «полурабов» отразился и на спаде военной мощи империи.

В результате сложившихся исторических ситуаций на Западе и в Византии класс рабовладельцев сошел с авансцены истории.

Начался новый период прогрессивного развития человечества: период, когда ведущей в экономике стран оказалась свободная аграрная крестьянская община. Освободившиеся от гнета, существовавшего в последнем этапе рабовладельческой власти, почувствовали себя хозяевами на своих участках, не завися от власти господина земли. Это — первый этап феодализма — создание человека-производственного для формирующегося феодального способа производства. Это был период некоторого упадка, особенно на Западе («темные века»). Общинники стали самостоятельными распорядителями своих хозяйств. Земледельческие культуры, агрономические порядки, частное владение участками земли продолжались или были заимствованы пришельцами. Сохранилось в прежней или только в подобной форме управление — государство. Но наиболее важным являлось сохранение или восприятие идеологии поздней античности — христианства, которое стало в то же время элементом управления, регулирования норм поведения. В этот период христианству удалось так переосмыслить весь окружающий мир — и настолько, что для широких масс оно стало и единственной формой всякой образованности, и исходной основой всякого мышления⁴.

Результат первого этапа феодализма — крестьянство окрепло и стало в силах давать солидный прибавочный продукт — это предпосылка для перехода на новый, второй его этап: создание класса феодалов в Византии проходило как рецепция римского права с включением канонического, т. е. фактически вело к восстановлению тех форм феодализации, которые существовали в поздне-римский период. Такое же возвращение к этим поздне-римским институтам произошло и на Западе, где, по выражению Ф. Энгельса, «масса населения, спустя четыреста лет, вернулась как будто целиком к своему исходному положению» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 153), но в иных условиях. Класс феодалов сформировался именно на этом этапе, «не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154). Началась борьба за концентрацию собственности на землю в руках феодалов, за захват крестьянских земель — обедневшие крестьяне вынуждены были работать уже в качестве зависимых. Это период полного господства в государствах поместьев провинциальной знати с почти неограниченным произволом на местах при расширении власти церкви. Это этап полного хаоса среди феодальных войн, упадка городов и образованности. При этом прибавочный продукт, особенно на Западе, оставался на местах, его использовали на военные нужды, строительство замков, монастырей. Это проходило в обстановке социальных противоречий, которые часто оформлялись духовными лицами как самостоятельное религиозное миропонимание («ереси»), особенно среди низов, подавленных епископами и феодалами городов. Как на Западе, так и в Византии более твердо требовалось признание установ-

ленных догматов христианства и все более сильную власть приобретали представители церкви. Ключнийское движение, разделение церквей в 1054 г., Каносса, сама идея крестовых походов являлись страшными ударами для свободной мысли светского человека⁵. Эти надстроечные элементы препятствовали развитию производительных сил. Подавленное положение городов на Западе было непреодолимым тормозом в связях с окружающим миром, препятствием для всякой возможности прогресса как в производстве, так и в интеллектуальной культуре. Для преодоления этого противоречия закономерно произошла коммунальная революция.

Город приобрел самоуправление свободных граждан. Этот новый, третий этап феодализма был переходом от ведущей роли автаркического феодального поместья, от стадии внутреннего товарного обращения к стадии более широкого товарного производства. Прибавочный продукт все более превращался в товар⁶. Развивалось свободное предпринимательство, основанное на индивидуальных соглашениях. Коммунальная революция как спиралеобразное «возрождение» порядков античного полиса в новых условиях⁷ привела к бурному развитию производственного значения средневекового города, к основанию объединений людей по профессиям, к созданию корпоративной экономики, но привела и к тенденциям городского сепаратизма, и к стремлениям к господству над деревней и поместьем. Внутренняя ассоциация коммун соединилась с внешним антагонизмом, и в то же время этот антагонизм и узкий профессиональный интерес должны были соединяться с развитием самого широкого кругозора, поскольку товарное производство в ремесле вызвало потребность контактов с соседними и далекими странами, а также знания экономических возможностей и исторической ситуации в окружающем мире.

Новый этап феодализма, окрашенный взрывом узкого собственнического индивидуализма, стал эпохой экономической экспансии, развития производства и торговли и явился значительным шагом вперед в истории человечества. Этот новый этап феодализма, неравномерно распространившийся по Европе и Византии начиная с расцвета дученто вплоть до конца кватроченто, этап, когда именно узость средневекового способа производства в соединении с расширенным кругозором в целях товарного производства стала вызывать поиски нового, в том числе и зачатки капиталистических форм эксплуатации человека. Это, по Ф. Энгельсу, был крупный переворот в истории человечества: именно тогда стали обращать критическое внимание на сущность производственных отношений феодальной сословности. Традиционная мораль в вопросах распределения — «приличествующее сословному положению» (*Standesmäßige Existenz*. — Маркс К. Архив. II (VII), с. 110), характерная для натурального хозяйства, фактически отпала вместе с распространением индивидуальных возможностей реализации прибавочного продукта, с развивающейся погоней за прибылью...

По мере расширения кругозора в трудящихся массах стало распространяться переосмысление и религиозных тезисов, и форм морали. Узкий индивидуальный интерес в рамках мелкого, но корпоративного производства буквально преобразался в условиях развития широкого интеллектуального кругозора. Все это особенно стимулировалось результатами крестовых походов, интернациональными университетами, интернациональной латынью, схоластическими спорами и произвело скачкообразное изменение человека нового этапа феодализма. Каждый крестьянин-общинник стал стремиться сделаться торговцем излишками производства, конкурентом феодала — его господина; каждый ремесленник фактически стремился быть и ученым — изобретателем разных производственных секретов; каждый моряк — исследователем неизвестного мира и новатором морской техники. Магистры и доктора стремились традиционные догмы аргументировать текстами античных гениев, извлеченными из переводов испанских арабов⁸, а потом и по подлинным греческим оригиналам; студюзусы в горделивом пренебрежении к окружающему невежеству делали с ожесточенными критиками современности, а поэты под влиянием примеров из античности увлекательно-иронически выступали против стесняющей человека аскетической морали. Именно тогда начался колоссальный, абстрагирующий все окружающее сдвиг в мировоззрении и образе жизни прогрессивных группировок людей того времени. Везде чувствуется разрыв со средневековой традицией и стремление к *новому* (особенно радикально уже у Иоахима Флорского)⁹. В Италии началось развитие капиталистического уклада и тенденций к созданию нового господствующего класса.

Появление в рамках старого способа производства элементов нового будущего господствующего класса характерно для любой экономической формации в период, когда эта формация приближалась к началу своего конца. Но в XIV—XVI вв. феодализм еще был силен. Крупное землевладение с зависимым крестьянством еще повсеместно не исчезло, но приноравливалось к развитию новых потребностей. Вот именно только на этом этапе феодализм стал *во всех отношениях* подлинным всесторонне прогрессивным строем, не уступающим, но превосходящим античное общество и развивающимся на базе всех его достижений. С элементами упадка, которые характерны были для феодализма, прогрессивная часть человечества стала вести непримиримую, как казалось, борьбу.

Внедрение элементов нового общественного строя отразилось на бурном росте всех существовавших в античное время наук — как гуманитарных, так и технических. Стремление к античности нельзя объяснить и без указания на одно из высших ее достижений — классического римского права. В условиях развитого феодализма с развитием товарного предпринимательства классическое римское право было близко к жизненным потребностям свобод-

ных горожан и было, по словам Ф. Энгельса, «в известном отношении буржуазным... в котором содержалось уже в готовом виде все то, к чему бюргерство позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно»¹⁰. Именно в Италии началось университетское преподавание римского права, причем желающие получить юридическое образование студенты самостоятельно организовали университет в Болонье¹¹. Основанное на полной частной собственности классическое римское право вносило в общественность Италии понятия, противоположные феодальной собственности и с тенденциями к капиталистическому мировоззрению, что стимулировало развитие гуманистических светских воззрений. Основы предпринимательства были ярко изложены в римском праве в понятии *consensus* — обоюдное согласие (Диг. 44, 7, 2; Инст. 3, 22; Гай. 3, 145; Вас. 52, 1). При этом в Дигестах самым откровенным образом признается совершенно *естественным*, что в соглашениях каждый стремится обойти друг друга, продать дороже, купить дешевле, получить плату за работу выше, платить за нее меньше (Диг. 4, 4; 16, 4; 19, 2; 22, 3). Эксплуатация, таким образом, признавалась естественной, законной (только при Диоклетиане началось регулирование прибыли — КЮ. 4, 44, 2, 285. Запрещалось получать 50-процентную прибыль в торговле). Таким образом, римское право, если исключить рабов, давало полный простор эксплуатации человека человеком только на основании «свободной» в рамках закона договоренности, не считаясь с теми причинами социального порядка, которые вызвали необходимость вступить в такую договоренность. Классическое римское право подобно капитализму не признавало в отношениях человека к человеку насилия (*per vim*) и в то же время давало под видом «соглашения» широкие возможности «законного» угнетения и подчинения личности. Именно такие «равенство» и «справедливость» вполне устраивали большинство гуманистов и способствовали укреплению элементов капиталистического уклада. Конечно, нельзя особенно преувеличивать значение капиталистического уклада в Италии периода гуманизма. Италия, стоявшая на авансцене истории XIII—XV вв., все еще имела сильные, характерные для феодализма соотношения политической раздробленности как в аграрном строе, так и в ремесленных организациях. Хотя в Италии, безусловно, в XIV—XV вв. был кризис в сфере феодальных отношений, но это был не кризис феодализма как формации, а кризис старого этапа его развития.

Установление прочных связей феодальных вотчин с городом, ставшим центром производства, закономерно выдвинуло заключительный этап феодальной формации — абсолютизм. В основном включение в феодальную систему элементов капитализма — стремление к первоначальному накоплению капитала, распространение мануфактур, связи развившегося производства с науками и привело феодализм к кульминационному этапу блестящих достижений феодального общества в XVI—XVII вв.

Обрисовывая социально-политические и культурные воззрения гуманистов XIII — начала XVI в., вряд ли можно изображать их как выступающих с определенными, уже устоявшимися взглядами — своим «кредо»; у всех гуманистов много внутренних противоречий. Они стояли как бы на перекрестке путей, не зная в каком направлении и как оформить свое мировоззрение. Эти люди, которые (подобно Августину) не вступали в жизнь с готовым мировоззрением, но старались приобрести его, болезненно отражая все факты из жизни; именно их взгляды оказывали существенное влияние на окружающую обстановку. Ярко наблюдается это у ранних поэтов и людей Возрождения как в создании своего мировоззрения, так и в своей деятельности в исторической ситуации окружающего мира. Особенно показательны положения Макиавелли: будучи смертельным врагом феодальных поместий, он призывал к физическому уничтожению господ. Но когда встал вопрос о решении конкретной задачи, вызванной политической ситуацией в Италии, — борьбы за объединение и самостоятельность, он вынужден был стать за абсолютизм с самым откровенным отказом от всяких гуманистических предпосылок, пропагандируя аморальные методы борьбы за интересы Италии в целом. Конечно, Макиавелли осознал закономерную необходимость, сохраняя феодализм в целом, передать дальнейшую историю развития Италии абсолютизму. Позиции Макиавелли определялись тем, что он искал не приложения своих взглядов на вещи, исходя из общечеловеческого, а наоборот, меняя свои взгляды, приспособливая их к исторической ситуации, в которой оказалась Италия.

Развитие технических наук, искусство, философия — все это связано было, однако, с наличием богатых центров светской и церковной власти, городского патрициата, которые могли быть меценатами. Все научные произведения, гениальные мысли, художественные творения делались по заказу, под покровительством лиц, обладавших властью и богатством, — все было связано с концентрацией прибавочного продукта из деревни, поместья, т. е. или от крупных землевладельцев, или «квазифеодальных» — от горожан (*mezzadria poderale*)¹². Гуманизм и Возрождение античного были протестом против феодального внутреннего хаоса и произвола привилегированных феодалов. Но этот протест уже в начале организации национальных государств соединялся с тенденциями к усилению королевской власти. «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности... Все революционные элементы, которые образовывались над поверхностью феодализма, тяготели к ним... Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 411). В период гуманизма вопрос шел уже не о королевской власти сословного государства, а именно об абсолютизме на базе сохранения феодального клас-

са, полностью подчиненного правительству, с предоставлением защиты и покровительства частному предпринимательству развивающейся буржуазии...

Развитие научного мировоззрения нельзя отрывать от объективной реальности. Ведь Возрождение покоилось на изучении античного, на развитии нового мировоззрения. Но наука, особенно искусство, литература, философия должны иметь материальную основу! Именно эту материальную базу Возрождения все еще давали меценаты. Всякое научное исследование и произведение искусства финансировалось феодальными князьями, герцогами, папой — крупными представителями феодальной знати. Нужно отметить также превращение буржуазных гуманистов в дворянство, личную связь отдельных гуманистов с абсолютизмом и феодализмом одновременно. Так, при укреплении абсолютизма Д. Гвиччардини в конце своей деятельности стал самым обычным помещиком. Объединение господствующего класса феодалов при наличии гуманистической культуры под эгидой абсолютизма было все, чем завершилась деятельность этого гуманиста. При всей своей смелости против господствующего мировоззрения, мрака и невежества гуманисты мало занимались вопросами способа производства, экономического базиса общества, ведь почти основной интерес их составляли задачи развития наук, искусства, культуры, т. е. вопросы надстроечного порядка. Это характерно почти для всех гуманистов, их главное направление — на базе античного повысить роль человека и образованности в общественной жизни. Люди Возрождения не были принципиальными борцами против феодального строя, они не были революционерами; они были просветителями в целях развития индивидуального производства в направлении не локальных интересов помещика или цеха, а в интересах широкого масштаба нации или человечества и культуры в целом! Показательно распространенное Вазари предание, что будто бы Леонардо да Винчи умер на руках французского короля Франциска I; эта легенда как бы показывает, что достижения эпохи Возрождения переданы французскому абсолютизму. Как бы резко ни осуждали гуманисты тиранию, произвол, некультурность правителей, пап, королей, деятели науки и искусства всегда находили в них своих ценителей. Гуманисты нужны были королям, а короли — гуманистам. Правитель хотел быть покровителем наук, а для наук необходима концентрация прибавочного продукта, без чего невозможно развитие культуры, искусства, сооружений, исследований, открытий.

В эпоху феодализма прибавочный продукт мог извлекаться в основном эксплуатацией зависимых трудящихся. Только наиболее крупные феодалы-герцоги и отдельные мощные города-государства имели возможности поощрения наук, искусств, общей культуры...¹³ Совершенно извинительной была связь гуманистов с папским престолом, который мог распоряжаться колоссальными богатствами. Еще более полезными для гуманистов делались абсо-

лютные монархии, которым необходимы были и открытия в технике, особенно военной и морской, и изящество дворцов, и высота культуры для престижа своей власти. Силою вещей гуманисты становились сторонниками абсолютизма. Можно сказать, что именно поднятое гуманистами стремление к развитию науки, культуры послужило одним из действенных факторов укрепления абсолютизма в XVI — начале XVIII в.

Но мы не можем характеризовать эпоху Возрождения с одной-единственной точки зрения возрожденцев и развития античного. Каждое принятие нового вносит с собой и новые противоречия... Мы перейдем к роли религии в тот переломный период, когда на Западе и в Византии феодализм был тесно связан с христианством. В течение трех первых веков существования Римской империи христианство было стихийным движением, основанным на критике всего рабовладельческого общества. Начиная с IV в. христианство стало распространяться принудительно как обязательное для образа жизни и мировоззрения, перестало быть народным движением, но стало долгом для каждого гражданина. Норма поведения, угодная общественному классовому строю, стимулировалась не только страхом судебного наказания, но и идеологически — сознанием свершенного «греха», угрозой вечного наказания в загробном мире. Твердая вера в догмы церкви была основой религии вместе с культом и обрядами. Всякое самостоятельное исследование в области богословия допустимо было только для высоких духовных лиц и верхушки монашества в рамках богословия, принятого церковными соборами и «святыми отцами» IV в.; всякое независимое суждение в богословии легко переходило в политическое преступление, в ересь (*hairesis* — свобода выбора, мнения). Вместе с тем и в Византии, и на Западе развивалось каноническое право, которое широко распространялось среди населения. Среди образованных людей изучение христианских догматов и христианских письменных источников было обязательным и основным. Поэтому уже с начала сознательной жизни любого человека церковные положения ставились на первый план. Они оттесняли все остальное, светское, своим принудительным авторитетом они давили мысль; естественно, что люди Возрождения стали врагами и этих принудительных верований, и самого принципа поисков аргументации любой теории только в христианских догматах.

Нельзя сказать, что между церковью и античной философией как на Западе, так и в Византии была непроходимая пропасть. Для того чтобы христианская догматика могла быть наукообразной, логически приемлемой, нужно было использовать элементы античной философии. И в то же время античная философия с элементами гуманизма вносила чрезвычайно опасные для христианства идеи, которые церковь поэтому стремилась во многом переосмыслить¹⁴. Эта необходимость для христианской догматики аргументации античной философией сказалась даже на том, что и в среде духовенства возникали центры гуманизма (например,

вокруг Амброджо Травесари — главы монастыря ордена Камм-боулов), и папы организовывали материальную помощь гуманистам. Со своей стороны, гуманисты часто аргументировали свои положения текстами из Библии (например, из ранних гуманистов — Салютати, Манетти). Полностью связано было с сюжетами из Библии искусство. Правда, были и преследования отдельных гуманистов, но вплоть до Реформации при папском дворе в Риме с гуманистами отношения были вполне дружественными. Особенно выявлялась эта связь гуманизма с религией у Эразма, который, злостно высмеивая догматизм и схоластику богословия, тем не менее признавал христианскую мораль как дальнейшее развитие античного мировоззрения. Однако у гуманистов не было настоящих связей с широкими массами народа. Гуманисты, хотя и признавали роль трудящихся — крестьян и ремесленников (особенно Матео Пальмери), но не имели связей с деревней и резко относились к народным волнениям. Гуманисты не понимали, что в деревне XII—XIV вв. произошел крупный переворот. Развитие и переход центра экономики в городские коммуны привели поместье и деревню к отрыву от культурных достижений гуманизма. Иронически-насмешливое отношение гуманистов к религии, выставление ими на первый план *светского*, индивидуального было совершенно чуждо деревне. Но с развитием товарного хозяйства, торгового предпринимательства и в деревне произошел значительный моральный сдвиг: разложение деревенского сословного единства значительно увеличило количество лишенных всякого земельного владения, произошло их сближение с такими же прослойками городов. Тенденции к социальному протесту сделали массы деревенского населения озлобленными к городской учености, что так ярко проявилось в отношениях крестьян к бродячим студентам (вагантам)¹⁵. Не все выступления, облеченные в христианские тезисы, были «ересями» и направлены против церковных беспорядков. Религией аргументировались всякие национальные движения и национальные стремления к политической независимости¹⁶. «Церковная догма являлась исходным пунктом и основой для всякого мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 495). Но эта основа у гуманистов была поколеблена стремлением постичь полностью достижения прошлого — античности и сделать основой мышления для дальнейшего развития науки и искусства именно высоту античной мысли, а не христианское богословие.

Совершенно естественно, что стремление гуманистов разбить влияние церкви должно было встретить сопротивление как со стороны духовенства, так и со стороны лиц, сознающих значение союза светской власти с духовной. В целях сохранения господства феодального строя важно было не допустить снижения религиозности у масс; наоборот, в условиях развития идей гуманизма выгоднее было углубить религиозное сознание масс, использовать идеи гуманизма в целях *исправления* церкви, направить основу

критики не на христианство как идеологию, а на практику церковного управления со стороны Римской курии. Это было стремлением повысить интерес общества к проблемам религиозной мысли, догматам — к *реформации* церкви. Используя некоторое подобие христианских текстов о морали, тезис о равенстве всех людей перед богом, деятели Реформации сумели действительно направить светские положения гуманизма в сторону борьбы за «настоящее» христианство. Появился, так сказать, «христианский гуманизм», критическое направление христианской мысли, сомнение, а подлинно ли католическая церковь передает учение Христа? Подобно тому, как Леонардо Бруни уличил переводчиков Аристотеля в фальсификации и издал истинный перевод его творений, гуманисты стали переосмысливать тексты евангелий и даже издали ряд самостоятельных новых переводов Библии вместо принятой Вульгаты, причем переводы делались и на национальные языки. Реформаторы имели в виду распространение своих религиозных концепций в массах. Это была борьба за массы, но не за повышение жизненного уровня масс. Движение за реформацию церкви не было борьбой против феодализма в целом. Основа реформации в Германии — «христианское дворянство немецкой нации», к которому и обратился Лютер в борьбе против католицизма. Политические вопросы светского управления конфессионализировались, связываясь с проблемами реформации церкви. Реформаторы-гуманисты стремились только использовать массы в борьбе или за новую религию, или за сохранение старой. Но углубление религиозности и самостоятельности мысли в широких массах привело к совершенно нежелательным для господствующего класса и для гуманистов явлениям.

Совершенно особо среди масс и отдельных гуманистов развилось направление, которое можно назвать «христианским Возрождением». Его представителей объединяло стремление вернуть свое общество к образу жизни и идеям первоначального христианства, когда оно было движением на базе социального протеста, выросшего в организационное учение. Используя для апологии христианства во II в. античную философию, главы церкви стали абстрагировать воззрения первоначальных общин в догматику, которая фактически для народных масс погубила социальный смысл движения. Догматы стали оковами мысли, тормозом ее дальнейшего развития, однако господствующему классу самостоятельная мысль эксплуатируемых масс в идеологии была даже невыгодна.

Христианство в период средневековья глубоко проникло в самую гущу народных масс, и все, что затрагивало церковь, вызывало самый широкий отклик. Построенные почти в каждом поселении церкви были местом объединения населения. Организация церковных общин — приходов первоначально являлась проявлением стремления к некоторой внутренней демократии, тогда как господствующая церковь стала считать приход только местом воспитания, организацией единства мировоззрения и подчинения власти

церковной иерархии. Уже распространилось представление о священнике как пастухе, а верующие уже считались простым стадом и должны были только верить... (ср.: «Почто творити себе пастырем, будучи овцою» (Трулльский собор, § 64), «...не мудрствовати паче, аж подобает мудрствовать» (Там же, § 58)¹⁷. Церковь, как католическая, так и византийская, строго боролась со всякими самостоятельными рассуждениями: от трудящихся низов требовалась только безусловная вера, соблюдение норм поведения и подчинение церковной власти в рамках канонического права. Фактически самостоятельное чтение и рассуждения были строго пресекаемы. Да и по степени развития образованности деревня и горнорабочие не имели никаких возможностей самостоятельно понимать тексты Библии и Евангелия.

Но положение в XIV в. начало изменяться. Развитие гуманизма повысило общее состояние культуры, даже в деревнях появились отдельные представители младшего духовенства, начетчики из бедноты, у которых возникла потребность самостоятельно ознакомиться с текстами Евангелия. Соединение распространяющегося предпринимательства с феодальной личной зависимостью, резкие социальные противоречия в жизненных условиях стали вызывать при самостоятельном разборе верующими текстов раннего христианства стремления к борьбе против извращений божественных повелений. Библейские тексты давали уверенность в правоте своих социальных и экономических устремлений, и поэтому появились тенденции возвращения к идеалам прошлого¹⁸. Нужно было снова сделать христианство социальным движением, вернуться к прошлому. Подобно гуманистам, которые возвращались к грекам, христианская деревня стала возвращаться тоже к античности и к началу христианства.

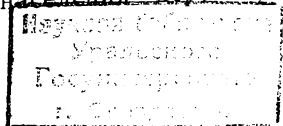
В противоположность гуманистам, которые имели дело с образованным обществом и с главами правительств, вожди нового христианского движения, опираясь на широчайшие массы, были настроены крайне воинственно, находя в текстах Библии примеры жесточайшей и беспощадной борьбы против безбожников. Социальной целью этого движения было разрушить «безбожную» структуру современного им общества. Конечно, для проведения буржуазной революции необходимо было непреклонное отрицание старого, отживающего общества; деструктивные мероприятия были исторически необходимы. Но в отношении конструктивных целей построения нового общества между опирающимися на религию гуманистами не могло быть единства. Гуманисты, как и Лютер, и Цвингли, и Меланхтон, не ставили целью разрушение феодального общества, но хотели только приспособить его к развитию наук того времени путем отпада от власти Римской курии. Но какое общество хотели построить восставшие народные массы, не могли знать ни Мюнцер, ни Гайсмайер, ни анабаптисты... У них была только революционная воля провести отрицание старого не теоретически, а путем фактической революции. Диалектически по-

явилось противоречие, тесно связанное с исторической ситуацией: с одной стороны, ведется борьба с «христианским мраком средневековья», и в то же время — революционная борьба под лозунгами именно этого «христианского мрака и темноты», которые так осуждали радикальные гуманисты.

Конечно, народное христианизированное восстание не могло победить, поскольку не было никаких объективных предпосылок для построения нового общества; особенно четко это выражено в наиболее радикальной программе Гайсмайера: полная аграризация, уничтожение городов, выступления против частного предпринимательства, беспощадная борьба против безбожников, утопизм в организации государства. В каком отношении их выступления были актами первоначальной буржуазной революции? Конечно, ничего внешне буржуазного не могло быть ни у анабаптистов, ни у Мюнцера, ни у Гайсмайера, но тем не менее они были неизбежными явлениями именно для буржуазной революции. Ведь всякая революция требует и деструктивных актов — элементов отрицания, и конструктивных актов созидания нового. Если гуманисты строили планы борьбы против недостатков феодализма через предварительное установление связанного с зарождающейся буржуазией последнего этапа феодализма — абсолютизма, то «христианское возрождение» — своим боевым призывом выступать против эксплуатации человеком человека. Этот призыв оказался важным для борьбы не только с основами феодализма, но и в будущем — против капиталистического общества.

Византия в отношении развития Возрождения и гуманизма имела свою специфику: перманентные нападения мощных племен (Манцикерт), никаких возможностей искать объекты первоначального накопления капитала; наоборот, Византия сама в конце XI в. стала жертвой развившегося за ее счет раннего накопления капитала со стороны итальянских городов — отсюда трудности развивать свои элементы капиталистического предпринимательства в обстановке итальянского экономического засилья. В некотором отношении усиление изучения античности в Византии приобрело, так сказать, служебный характер для удовлетворения потребностей Италии!

Обстановка в отношении церкви в Византии тоже имела особую специфику. Православная церковь за все время существования Византии фактически была активнейшим членом государственного аппарата. Изучение античности уживалось с церковью и проходило в рамках сохранения «чистоты православия»... Особых резких выступлений против «мрака средневековья» в Византии не могло быть, поскольку там не было столь стремительного упадка культуры, как на Западе, особенно в городах-эмпориях, в Константинополе. Однако после завершения перехода к феодальным институтам в значительной степени обострились имущественные противоречия как в городах, так и в деревне. Городская беднота, которая впитывала в себя излишки населения деревни, имела

больше возможностей вследствие развития грамотности самостоятельно читать священное писание, и социальные протесты против несправедливости общественного строя могли облекаться ссылками на тезисы первоначального христианства.

Так, гуманистические моральные рассуждения Алексея Макремволита прямо начинаются с резкой нападки *бедных* против богатых со ссылкой на первоначальные христианские общины: «До каких пор общий для всех Отец будет терпеть, взирая, что вы присваиваете себе то, что принадлежит всем?» (ВВ, т. 33, 278, пер. М. А. Поляковской). Это указание на общую собственность имеет в виду известные евангельские тексты о первоначальной христианской общине (Деяния, 2, 44: «И все верующие были вместе и имели все общее»; Там же, 4, 32: «У множества же уверовавших была одна душа и одно сердце. И никто имущества своего не называл своим, но все у них было общее»). По Макремволиту, бедные указывают, что напрасно богатые презрительно относятся к бедным, поскольку состоят из материального и духовного, одинаково благородного происхождения и что человек более всего уподобляется богу. Высокое мнение о человеке характерно для гуманистов середины XIV в. Но в основном все рассуждения связаны с аргументами религии. Вот именно этим своеобразным апофеозом человека — уподоблением богу стремился показать свой «гуманизм» Палама в учении о фаворском свете и умственной молитве. Но хотя гуманизм типа Макремволита разжигал классовую ненависть, стимулировал настроение борьбы, даже во многом походил на тип «листовок» накануне крестьянской войны в Германии, в Византии буржуазной революции не было. На базе социальных противоречий в Византии произошли только народные выступления 1341—1347 гг., однако не оформленные текстами из Евангелия. Причина определена: в условиях наступления западной церкви в народных массах Византии появилось упорное стремление защищать «свою» церковь, как свою народность. В тех условиях, когда вся экономика была в руках латинян, всякий сторонник «чужой» церкви казался предателем и всякая резкая критика «своей церкви» казалась поддержкой враждебной, тоже как бы приравнивалась к измене. Поэтому народные движения в Византии не были тесно связаны с критикой церкви и не оформлялись церковными лозунгами. Образованные же византийцы, люди с «энциклопедическим» воспитанием, пытались соединить изучение античной философии с тревожными спорами в религии. Это, конечно, связывало гуманизм как самостоятельное творчество мысли на базе использования античной философии, так сказать, «христианизировало» гуманизм¹⁹.

Крестьянское движение совместно с городами первоначально было как бы помощью законному правительству против мятежных феодалов Кантакузина, но было раздавлено сербской интервенцией и особенно включением в борьбу турецких полчищ, которые совершенно разгромили византийскую деревню так, что этот ре-

зультат можно приравнивать к будущим поражениям Мюнцера и Гайсмайера...

Движение зилотов, партия которых руководствовалась группировкой городской предпринимательской торговой знати, корпорации моряков в борьбе против феодального господствующего класса, тоже окончилось поражением. В 1347 г. намечалось полное торжество реакции. В таких условиях реакция распространилась и на церковь. Подобно тому как на Западе, в странах контрреформации, прекратилась критика церкви под страхом инквизиции, в Византии стало считаться ортодоксальным учение Паламы, которое распространяло на самые широкие массы настроения полной политической пассивности: в целях душевного спасения добиваться путем духовного экстаза соединения с божеством²⁰. Безусловно, цель Паламы — задуть всякую критику церкви и сделать всех преданными верующими православно, не считаясь с возможными историческими ситуациями! Эта пассивность, соединенная с твердостью веры, спасла православную церковь и народности, но привела к политической гибели Византии, а также к порабощению греков и южных славян турками на ряд столетий.

В конце существования Византии произошло парадоксальное, логически и политически нецелесообразное выступление против христианства в целом со стороны наиболее радикального возрожденца-гуманиста Плифона. Опираясь на положения платонистов и греческий «патриотизм», этот гуманист из старинной Спарты (Мистры) организовал целую подпольную группу врагов христианства за восстановление древнегреческого политеизма, обновленного философской символикой с организацией особого культа²¹, восстановлением старинного лунно-солнечного календаря (!) и церковного песнопения в честь древних философски переосмысленных богов по типу христианской литургии. Несмотря на попытки конспирации и пропаганды (дело Ювеналия)²², выступление Плифона не имело никакого влияния на широкие массы. Можно полагать, что Плифону, прекрасно знакомому с западными гуманистами XV в. и их критикой католической церкви, показалось, что этой своей «возрожденческой религией» он сможет вместо христианства и на Западе, и в Византии создать единую, основанную на философии и положениях о вечности души религию для всего человечества и тем прекратить религиозные распри!

После разгрома крестьянской войны «контрреформация» победила повсеместно. Любые возникшие религии оказались такими же нетерпимыми в отношении догматов и обрядов, как и католицизм, и православие... Но век гуманизма преобразовал общество. Научная деятельность не встречала таких затруднений, как в период «средневекового мрака». Феодальное крупное землевладение сохранилось. Капиталистические уклады были внутренне слабы и нуждались в покровительстве абсолютных монархов, которые еще смотрели на государство как собственники страны — «господа», соединяя «по-феодальному» интересы династий с инте-

ресами народов и стран. Но абсолютизм сознательно принял на себя роль наследника эпохи Возрождения и гуманизма. Центром дальнейшего существования наук и искусства как последователи гуманизма и Возрождения стали столичные города — Мадрид и особенно Париж — центр моды, искусств и наук, где при Людовике XIV феодализм достиг предельного расцвета, в котором количество тоже перешло в иное качество: отрицание абсолютизма даже «просвещенного», уже в XVII в. превратившегося в тормоз развития.

Общий вывод статьи: Возрождение и гуманизм XIII—XV вв. — этап феодальной формации, когда были отвергнуты элементы упадка, появлялись зачатки капитализма и когда феодализм стал всеобъемлюще прогрессивным строем.

Возрождение античности сыграло грандиозную прогрессивную роль, но было оторвано от широких масс трудящихся и укрепило последний этап феодализма — абсолютизм. Возрождение же идей первоначального христианства идеологически оправдало, облегчило возможность революционизировать крестьянские массы, но в то же время сузило социально-политический их кругозор, углубило религиозность, а их вождей связало с библейскими аналогами и лишило чувства реальности в конструктивных мероприятиях и тем предопределило неудачу крестьянских восстаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 286. Это положение является характерным для любой страны и народа. Ведь представлять историю «без гигантских иногда скачков назад недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6—7). Остуда следует, что и стремление к Возрождению передовых наук, включающих гуманистические воззрения прошлого, закономерно во всемирно-историческом масштабе (так у Конрада Н. И., так у Галстяна В. К.). Поэтому не могу согласиться с положением Рутенбурга В. И. об уникальности итальянского Возрождения в истории человечества. Элементы мануфактуры капиталистического предпринимательства, а также и гуманизма в идеологии (даже в римском праве) имелись и в античном мире. Специфика итальянского Возрождения зависела от исторической ситуации, от перехода количества в новое качество, от раннего начала первоначального накопления капитала в Италии (даже за счет Византии).

² В последние годы вопросам эпохи Возрождения в СССР была посвящена специальная конференция в Москве с 8 по 10 декабря 1975 г. См. также тезисы Х. Мора (ГДР): Мор Х. «Ренессанс» и Ренессанс. Рецепция древней культуры в средние века как всемирно-историческая проблема. — СВ, т. 40; Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

³ Энгельс Ф. Юридический социализм. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 502 — против Менгера: «Тот факт, что господствующие классы в период своего восходящего развития выполняют вполне определенные социальные функции и именно благодаря этому становятся господствующими, — этот факт ему (Менгеру. — М. С.), следовательно, совершенно не известен».

При всяком переходе к новому строю отрицание старого, деструктивные акции принадлежат безусловно массам, но конструктивная управленческая деятельность принадлежит новому господствующему классу на базе достижений прошлого.

⁴ Энгельс Ф. Юридический социализм.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 495.

⁵ Наибольшую силу в общественности приобрела западная церковь тогда, когда в условиях полной феодальной раздробленности в спорах церкви со светской властью реализовывались тенденции борьбы за единство. Начиная с 1054 г. при разделении церквей, затем в происшествиях в Каноссе и в начале крестовых походов вплоть до 1303 г. власть римской церкви была особенно экспансивной и возвышалась над светской. Ср.: *Werner E. Konstantinopel und Canossa. Lateinisches Selbstverständnis im XI Jh.* Acad. Verl., 1976; *Fögen M. Th. Rez.: Dilscher H. Die Sicilianische Gesetzgebung Kaiser Friedrich II.*— BZ, 1977, Bd. 2.

⁶ «Товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего».— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 553.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

⁸ Стремление возродить упавшую античную культуру и использовать достижения прошлого наблюдается в течение всего «средневекового мрака». Совершенно неисторично отвергать такие попытки Возрождения при Карле Великом. Еще ярче они проявлялись «как проблески света у средневековых интеллектуалов, занимавшихся философией — хотя бы и на христианизированном Аристотеле, а затем при создании университетов эта тяга к возрождению и светскому гуманизму приобрела уже опасный для средневекового мировоззрения характер» (Р. Бэкон), особенно выступления аверроистов — Сигера Брабантского в Париже, повлиявшего и на итальянских гуманистов дученто (Быховский Б. Э. Луч света во мраке схоластики.— Вопросы философии, 1978, № 2).

⁹ Иоахим и его последователи считали, что роль Ветхого завета отпала в связи с появлением Нового завета, который в свою очередь отпадет в третий период с появлением «вечного евангелия». Так радикально не решались снижать значение Библии и Нового завета даже самые радикальные вожди крестьянской войны («*novum Testamentum evacuandum sit sicut vetus evacuatum est — Introductorius Gerardi*»).

¹⁰ См.: Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 412.

¹¹ *Kobben A. B. The medieval universities ther development and organization.* L., Meyhnon., 1975.

¹² Самаркин В. В. Тосканская испольщина в начале XV века.— СВ, т. 33, с. 110, 183; Котельникова Л. А. Аграрные отношения в Италии XIV—XV вв.— СВ, т. 40, с. 232.

Необходимо отметить двойственное отношение церкви к возвышению королевской власти в отдельных странах. С одной стороны, борьба за власть над населением, с другой — необходимость воспользоваться «светским мечом» для подавления развивавшихся ересей как выражения недовольства населения социальным строем. Однако появление ересей во внутрицерковной догматической борьбе не всегда можно расценивать как социальный протест трудящихся против феодальной эксплуатации, но характеризовать как внутрицерковную конкуренцию богословов за господствующее влияние в церкви с привлечением в догматические и обрядовые споры церковных приходов, тем самым внося элементы демократии и самостоятельность мысли борющихся сторон. Роль королевской власти в сохранении единства церкви делалась одновременно одной из главных задач королевской власти, ср.: Керов В. Л. Южнофранцузские вальденцы.— ВИ, 1974, № 5; Гутнова Е. В. Средневековое крестьянство и ереси.— СВ, т. 39.

¹³ Можно с уверенностью сказать, что основной конкретной причиной, почему Византия XII—XV вв. не внесла ни в науку, ни в искусство, ни в гуманизм никаких блестящих успехов, как на Западе, несмотря на то что находилась в едином с Италией экономическом регионе, являлось отсутствие средств как у византийского правительства, так и у церкви и отдельных феодалов — ведь экономика Византии была в руках итальянцев, и трудно было найти гуманисту влиятельного мецената.

¹⁴ Очень четко у С. С. Аверинцева: «Для христианства не было ничего более опасного и одновременно более необходимого, чем философская традиция».— Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода

от античности к средневековью.— В сб.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

¹⁵ Поэзия вагантов. Пер. М. Л. Гаспарова. М.—Л., 1975, с. 348, 507.

¹⁶ В отличие от средневековых ересей, которые преследовались как нарушающие единомыслие в церкви. Наоборот, лютеранство и кальвинизм были не ересями, а реформацией, связанной с крестьянской войной и буржуазной революцией. Ср.: Vogel P. Zwischen Gott und Scheiterhaufen. Ketzler im Mittelalter. В., 1976. Революционизирующие выступления Гуса и впоследствии таборитов были выступлениями национального характера, облеченными в библейскую аргументацию,— борьба за самостоятельность Чехии вначале против священников немецкого происхождения. Сам Гус нередко выступал против произвола немцев. «Убежденный в том, что немецкое преобладание в чешской земле противно божественному закону и церковным канонам, я утверждаю, что этого не должно быть!» (из артикулов свидетельских показаний с ответами Гуса, 1413 г.).

¹⁷ См. обвинение Гуса: «...смертная казнь... За то, что он сбил с пути много народу, предоставив народу право самому судить о делах веры, между тем народу спасительнее ничего не знать и простодушно верить!» — Послания Я. Гуса. М., 1901, с. 262.

¹⁸ О связи псахазма Паламы с богомилством. Вряд ли простые крестьяне осознавали разницу между богомилством и учением Паламы. Фактически в канонизации Паламы в 1350 г. произошел синкретизм. Богомилы и родственные им паламисты фактически сыграли роль катализаторов, как и спиритуалистические движения западного монашества. Презрение к существующему аморальному обществу и жажда личного спасения фактически дореволюционизируют массы и утихомиривают народный гнев против притеснителей. Спиритуализм отчасти вносит дух прогрессивной критики церкви, особенно в среду неграмотных масс, но на почве идеологии для настоящего отрицания отжившего, реакционного действует отрицательно, даже антиреволюционно. Ср.: Lambert M. Medieval Heresy (from Bogomil to Gus). L., 1977.

¹⁹ Beck H.-G. Humanismus und Palamismus. Actes XII Congr. Ochrid. 1. S. 69.

²⁰ О Паламе, как аналоге западной контрреформации: Meyendorf J. Byzantine Hesychasm: historical theological and social problems. L., 1974; Clucas L. M. Eschatological theory in byzantine hesychasche. A parallel to Joachimae Flore.— BZ, 1977, Bd. 2, S. 324—346.

²¹ Издан в русском переводе. См.: Медведев И. П. Византийский гуманизм. Л., 1976, с. 224 и сл. (Гимны богов).

²² Подробно о деятельности Ювеналия, пропагандиста против христианства с позиций школы Плифона, жестоко казненного, изложено у И. П. Медведева.— Медведев И. П. Византийский гуманизм, с. 32 и сл.